мостью этих обстоятельств руководствовалась редколлегия журнала, открывая дискуссию "Политические процессы в Казахстане и российско-казахстанские отношения", в которой приняла участие группа известных российских и казахстанских специалистов. Им было предложено, в частности, в рамках своих выступлений ответить на несколько вопросов, которые, однако, рассматривались нами лишь как рамки, вовсе не ограничивающие выступающих, получивших возможность высказаться прежде всего по тому кругу проблем, в которых они чувствуют себя наиболее уверенно.

В.В. НАУМКИН

ПОЛИТИЧЕСКАЯ ЭВОЛЮЦИЯ ПОСТСОВЕТСКИХ КАЗАХСТАНА И РОССИИ (СХОДСТВА И РАЗЛИЧИЯ)

© 2004

Д. Е. ФУРМАН

Политические режимы, сложившиеся на постсоветском пространстве, можно поделить на два основных типа: режимы, основанные на разделении властей и допускающие приход оппозиции к власти (страны Балтии и Молдова), и режимы, в которых мирный приход оппозиции к власти не возможен, и власть сосредоточена в руках президентов, избираемых на безальтернативных или фактически безальтернативных выборах и передающих эту власть определенным ими преемникам (страны Центральной Азии, Россия, Беларусь и Азербайджан). В ряде стран режимы не "устоялись" и существует возможность их перехода как в первую, так и во вторую группу (Украина, Грузия, Армения).

Режимы Казахстана и России принадлежат, таким образом, к одному типу режимов "безальтернативных президентов". И даже в этой большой группе они особенно близки друг к другу. По оценкам степени свободы, ежегодно выставляемым международной организацией "Фридом Хауз" (7 – минимальная и 1 – максимальная степень свободы), Россия в 2003 г. получила оценку – 5, а Казахстан – 5.5 (для сравнения: республики Балтии – 1.5, Молдова – 3.5, Армения и Грузия – 4, Таджикистан, Кыргызстан и Азербайджан – 5.5, Белоруссия – 6, Туркмения – 7).

* * *

Причины, по которым разные народы бывшего СССР создали разные политические системы, и системы Казахстана и России оказались очень близкими, связаны прежде всего с особенностями их исторического опыта, культуры и психологии.

При всех громадных различиях русской и казахской культур и психологии, в ряде важнейших аспектов, обусловивших создание однотипных политических систем, они близки друг к другу.

Ни Казахстан, ни Россия не имели в своей истории какого бы то ни было опыта демократического развития, мирной и законной ротации власти. Казахстан, кроме того, практически не имел и опыта самостоятельного государственного существования. Ни в Казахстане, ни в России подавляющая масса населения не стремилась к выходу из СССР, и распад СССР стал шоком, к которому народы этих стран не были готовы. Таким же шоком стала и возможность самостоятельно выбирать власть и определять пути дальнейшего развития своей страны. Растерянные, боящиеся погружения в хаос и гражданскую и межэтническую войну (для Казахстана, где к моменту провоз-

глашения независимости казахи не составляли и половины населения, межэтническая война по типу молдавской была вполне реальной перспективой), не имеющие каких-либо ясных представлений о путях самостоятельного развития, народные массы обеих стран прежде всего стремились к "порядку" и "стабильности". В Казахстане проведенный в 1998 г. опрос показал, что из различных систем, которые они желали бы для своей страны, 4.4% опрошенных выбрали коммунизм, 7.3 – социализм, 5.9 – капитализм, 2.3 – исламское общество, 8.8 – демократию западного типа, и 56.9% ответили: "любую, лишь бы был порядок".

Это и есть та психологическая почва, на которой возникли и сформировались российский и казахстанский режимы безальтернативной президентской власти.

* * *

Эволюция российского и казахстанского режимов, возникших на схожей психологической почве – также, естественно, очень схожая. Они прошли через те же этапы развития и те же кризисы, преодоление которых означало "кристаллизацию" режимов, приобретение ими все более законченных форм.

В начале 1990-х годов и Казахстан, и Россия погружены в хаотическую борьбу разных политических сил и тенденций. С одной стороны, значительной популярностью пользуются идеи западной демократии и специфическая идея "власти советов", с другой – все более ощущается потребность в "сильной руке", которая положит конец сползающей в анархию демократизации. Конфликт этих двух тенденций принимает форму конфликтов президентов и парламентов, протекавших в Казахстане и России несколько по-разному, но в обеих странах приведших к схожим результатам.

В России Ельцин разгоняет депутатов силой, в октябре 1993 г. подвергнув осаде и штурму "Белый дом", и в декабре этого же года организует референдум по новой конституции, устанавливающей "суперпрезидентскую" систему. В Казахстане обошлось без кровавого переворота, но зато бескровных переворотов было два подряд. Старый, избранный в 1990 г. Верховный Совет успевает до своего разгона ("самороспуска") в декабре 1993 г. принять новую Конституцию. Однако и эта конституция, и новый парламент, избранный в 1994 г. на ее основе, не удовлетворяли Назарбаева. Он распускает и этот парламент, продлевает референдумом свои полномочия до 2000 г., составляет еще одну конституцию, по которой полномочия президента стали даже больше российских, и также организует ее принятие референдумом. Таким образом, если Ельцин правил при двух конституциях, то Назарбаев – при трех.

В обеих странах президенты вначале дистанцируются от партий, не желая связывать себя партийной дисциплиной и занимая позицию президентов "всех казахстанцев" и "всех россиян". Но по мере создания системы безальтернативной президентской власти у них возникает потребность организовать собственные, полностью подконтрольные им и не идеологические ("центристские") партии, принадлежность к которым четко очерчивала бы круг лояльной элиты. В Казахстане – это "Отан-Отечество", к которой примыкают две другие пропрезидентские партии, Аграрная и Гражданская (функции и судьба созданной недавно дочерью Назарбаева Даригой партии "Асар-Вместе" еще не до конца понятны). В России – это "Единая Россия".

В обеих странах безальтернативность президентской власти постепенно распространяется на все сферы власти. Парламенты также становятся "безальтернативными" и полностью подконтрольными президентам.

Можно привести очень много общих или схожих элементов казахстанской и российской политической систем и их эволюции (создание верхних палат парламентов, еще более контролируемых властью, чем нижние, исчезновение института вице-президентов, введение законов, ограничивающих возможность создания новых партий, постепенное усиление контроля над СМИ и роли спецслужб и т.д.). Отчасти это сход-

ство связано с тем, что власти оказывались перед общими проблемами и решали их теми же путями, отчасти же здесь сказывалось и прямое влияние режимов друг на друга. Трудно сказать, в какой мере казахстанские политические процессы влияли на Россию, но казахстанские власти, несомненно, следили за процессом установления президентского режима в России и использовали российский опыт.

* * *

Становление президентских режимов в обоих государствах идет параллельно процессу приватизации и в тесной связи с ним.

В условиях, когда в обществе не было никакого консенсуса о будущем социальном строе, приватизация, неизбежно сопровождавшаяся падением жизненного уровня большинства населения и резким ростом социального расслоения, могла последовательно проводиться лишь сильной, практически не зависимой от общества, властью. Поэтому приватизация сплачивает вокруг президентов старую номенклатурную элиту, трансформирующуюся в новую буржуазную, и новых собственников, поднявшихся из неноменклатурных слоев.

Одновременно возникают и другие формы зависимости собственников от власти. Приватизация в значительной мере идет внезаконными и квазизаконными путями и возникновение новых состояний прямо зависит от власти. В результате соперничество разных групп в борьбе за собственность приобретает форму соперничества за благосклонность власти и тем самым служит ее укреплению. Подобная "раздача" собственности позволяет власти и в дальнейшем сохранять контроль над новыми собственниками, поскольку при проявлении ими нелояльности власть может "вспомнить" о различных нарушениях законов при создании их состояний и репрессировать их "на законных основаниях". Такого рода приемы контроля над новой буржуазной элитой многократно применялись (и еще будут применяться) и казахстанскими и российскими властями.

Приватизация соответствовала интересам всей номенклатурной элиты. Но естественно, что в условиях фактически бесконтрольной власти она обогащает прежде всего самих осуществлявших приватизацию правителей и их ближайшее окружение. И в Казахстане и в России возникают понятия "семьи", узкого круга родственников, друзей и "клиентов" президентов, и "семейных капиталов". В дальнейшем назарбаевская "семья" окажется в трудном положении в результате расследований в США по обвинениям в громадных взятках, которые передавались Назарбаеву и его близким американскими нефтяными компаниями, и в отмывании денег ("Казахгейт").

Но сплочение в процессе приватизации элиты вокруг власти – временное. Когда новые состояния уже созданы, у их обладателей возникает стремление получить гарантии от произвола власти и конвертировать богатства в политическое влияние и статусы. Когда "старая" оппозиция, связанная с социальными слоями еще советского общества (оппозиция либеральной интеллигенции и коммунистическая) отступает и сходит на нет, неожиданно появляется оппозиция со стороны новых буржуазных слоев, стремящихся к ограничению президентского всевластия. Возникают конфликты президентов и "олигархов". Закономерность этих конфликтов видна в том, что если в России они разворачиваются уже при новом президенте и может возникнуть впечатление, что и их возникновение связано со сменой власти, в Казахстане они возникают при том же президенте.

Выступившие в Казахстане против Назарбаева и власти "семьи" "олигархи" – находящийся сейчас в эмиграции бывший премьер А. Кажегельдин, сидящий в тюрьме Г. Жакиянов и выпущенный на свободу после отказа от политической деятельности

М. Аблязов – это функциональные эквиваленты российских Б. Березовского, В. Гусинского и М. Ходорковского. Но масштабы новой казахстанской оппозиции – значительно больше, чем российской.

* * *

Общая логика развития и функционирования казахстанского и российского режимов не означает их тождества. Между ними – множество различий и создается впечатление, что по мере эволюции они даже усиливаются. Описать эти различия и найти логику и причины их возникновения – очень трудно, и я сознаю, что изложенные далее положения являются гипотетическими.

Казахстанский режим парадоксальным образом одновременно и более жесткий и авторитарный, чем российский, и более "мягкий", допускающий больший плюрализм.

Большая "жесткость" видна и в формальных, конституционных формах, и в неформальных, реальных механизмах власти. Президент в Казахстане пользуется большими конституционными правами, чем российский – он избирается на шесть лет, а не на четыре, сам назначает глав местных администраций, назначает часть депутатов верхней палаты, "сенаторов" и т.д. Контроль "семьи" Назарбаева над экономикой и политикой Казахстана – значительно больший и более непосредственный, чем когда-либо был контроль ельцинской "семьи". Одной из специфических черт общественной жизни Казахстана является широкое использование властью "нелегальных" методов борьбы с противниками, к которым российская власть практически не прибегает – осуществляемых "неизвестными" поджогов оппозиционных газет, избиений оппозиционеров и т.д. Разного рода махинации на выборах в Казахстане также имеют больший масштаб, чем в России.

Но если говорить не о формах этого контроля, а о его результативности и о тенденциях развития, возникнет иная картина.

В России президентский режим последовательно усиливался и приобрел стабильные и законченные формы при преемнике Ельцина. Сейчас Россия, очевидно, достигла (или скоро достигнет) максимальной степени контроля президентской власти над обществом. В Казахстане же, похоже, "пик" развития президентской системы был пройден во второй половине 1990-х годов.

В России старая оппозиция исчезает, а новая, буржуазная – очень слаба и изолирована от масс населения. В Казахстане, наоборот, режим сталкивается со все более сильными оппозиционными волнами. Вслед за волной 1999 г., поднятой бывшим премьером Кажегельдином, возникает значительно больших масштабов волна, связанная с движением "Демократический выбор Казахстана", в котором его создателям, Аблязову и Жакиянову, удалось сплотить самые разные оппозиционные группы, начиная от олигархов и членов Кабинета министров до коммунистов и активистов движения пенсионеров. Власти посадили Жакиянова и Аблязова в тюрьму по обвинению в экономических преступлениях, но движение не исчезло. На его основе возникли две крупные политические партии – "Ак жол" ("Светлый путь"), объединяющая многих преимущественно молодых представителей буржуазно-чиновничьей элиты, и партия Демократический выбор Казахстана. Сейчас в оппозицию один за другим переходят крупные государственные чиновники и даже прежние близкие соратники Назарбаева.

В не оппозиционном, лояльном президенту лагере, также происходят определенные изменения в направлении "плюрализации" и "либерализации". Партии, созданные для поддержки президента и "квазиплюрализма", сохраняя лояльность власти,

неожиданно начинают вступать в реальные конфликты друг с другом. Парламент, избранный под контролем власти, в котором почти нет оппозиции президенту, начинает становиться более самостоятельным и требовать больших прав. О том, как сейчас отличается казахстанская политическая жизнь от российской, может говорить то, что этот избранный под контролем властей парламент в прошлом году отправил в отставку правительство. Стоит только вообразить себе теперешнюю Думу, отправляющую правительство в отставку, чтобы наглядно увидеть значительно большую “мягкость”, по сравнению с российским, формально более авторитарного казахстанского режима.

Процессы “размягчения”, утраты контроля власти над общественными процессами, затрагивают и саму “семью”, публичная роль членов которой в Казахстане неизмеримо больше, чем была роль членов ельцинской семьи. “Семья” начинает превращаться в группу враждующих друг с другом претендентов на назарбаевское наследие, причем их соперничество приобретает явный и публичный характер.

Таким образом, векторы развития Казахстана и России сейчас все более не совпадают. Россия идет к упорядоченной централизованной системе, дисциплинированной “вертикали власти”, практически не зависящей от общества. А Казахстан становится все менее контролируемым и более плюралистическим обществом, со все более сильной оппозицией.

Как можно объяснить эти особенности режимов и разные векторы развития?

* * *

Я говорил вначале о сходстве русской и казахской культур и психологий, породившей сходство, однотипность российского и казахстанского постсоветских режимов. Но есть и очень важные различия.

Поскольку СССР представлял собой прямое продолжение Российской империи, его “ядром” была Россия и русский народ был “старшим братом” других народов, в России возник “красно-коричневый” симбиоз русского национализма и коммунизма, который отсутствует в других республиках бывшего СССР, включая Казахстан. Этот симбиоз придавал силу и пафосность коммунистической оппозиции, но одновременно делал эту оппозицию категорически не приемлемой для российской элиты (и для Запада). Союз либеральной и “коммуно-патриотической” оппозиций был в России невозможен, и это делало обе оппозиции бессильными. В Казахстане “красно-коричневого” синтеза быть не могло, казахстанские коммунисты всегда были слабее российских и, что более важно, “либеральнее”. Между ними и либеральными оппозициями всегда существовало некоторые взаимопонимание и поддержка, а сейчас можно говорить о единой оппозиции либералов и коммунистов. Естественно, это делает оппозицию сильнее. В России в качестве главного соперника президентов выступал заведомо неприемлемый элите и большинству населения коммунист Зюганов. Поэтому Ельцин в 1996 г. и Путин в 2000 г. вполне могли допустить Зюганова к выборам. В Казахстане же соперниками Назарбаева были фигуры, значительно более приемлемые элите и обществу в целом (Сулейменов в 1994–1995 гг., Кажегельдин в 1999 г.). Поэтому Назарбаев был вынужден произвести переворот и сорвать выборы 1996 г. и не допустить Кажегельдина к выборам 1999 г. Таким образом, самая большая авторитарность казахстанского режима и методов казахстанской власти связана с большими угрозами этой власти, исходящими от общества.

Относительная внутренняя слабость президентского режима в Казахстане (компенсируемая большей формальной властью) может быть связана и с влиянием разных исторических традиций. Сильная и “безальтернативная” президентская власть в

России – прямая наследница царской власти и власти генсеков. Это – "привычная", "нормальная" для России форма власти. Казахстанское прошлое – совсем другое. В кочевых казахских "протогосударственных" образованиях ханы никогда не пользовались "абсолютной" властью. Это иное традиционное восприятие власти, несомненно, влияет и на постсоветское развитие.

Другие характерные черты казахстанского общества также способствуют большему сопротивлению общества власти (и одновременно требуют от власти более жестких форм контроля над менее "послушным" обществом). Это – сохранение у казахов племенных и жузовых лояльностей и связей. Эти архаические, "догосударственные" связи в какой-то мере компенсируют предельную слабость (такую же, как в России) гражданского общества, делают общество несколько менее атомизированным, индивида – менее одиноким, могущим рассчитывать на стихийную солидарность "своих". Политические последствия этих лояльностей очень сложны и противоречивы.

Как мы уже говорили, роль "семьи" в Казахстане больше, чем в России. Назарбаев может опереться на массу своих родственников, свойственников и земляков, занимающих командные позиции во властной и экономической иерархиях (ресурс, которым не обладает российская власть). Другой стороной такой опоры на "своих" является стремление не допустить концентрации власти и богатства у "чужих". Во многом отсюда – и специфические особенности приватизационной политики в Казахстане, где "несемейный" национальный капитал не допускался в самые доходные экспортно-ориентированные сырьевые отрасли, оказавшиеся под непосредственным контролем "семьи" и политически не опасного иностранного капитала. Опора на "своих" и необходимость тщательно следить за "чужими", не допуская их усиления, делает казахстанский режим более "грубо авторитарным", чем российский. Но это же усиливает оппозицию и создает больший плюрализм. Другой стороной концентрации власти у представителей назарбаевского Старшего жуза является доминирование в оппозиции представителей Среднего жуза. Другой стороной контроля "семьи" и иностранцев над сырьевыми отраслями экономики является стремление "несемейного" национального капитала к более открытому рынку. Парадоксальным образом, сила архаических жузовых и племенных связей – одна из причин более быстрого, чем в России, созревания новой либеральной оппозиции и относительной слабости реального контроля казахстанской власти над обществом.

Я не собираюсь оспаривать оценки "Фридом Хауз", по которым Россия имеет чуть большую степень свободы, чем Казахстан. Но важны не только оценки теперешнего состояния, но и оценки потенциала и тенденций развития. И здесь у Казахстана есть как некоторые "недостатки" (несколько меньший культурный уровень и меньшие размеры вестернизированного либерального слоя), так и некоторые "преимущества", и, во всяком случае, в настоящее время векторы развития Казахстана и России не совпадают – степень свободы в России, несомненно, уменьшается, а в Казахстане, быстрее достигшем "пика" авторитарности, сейчас она, скорее, растет.

* * *

В конечном счете, и российский и казахстанский режимы можно рассматривать как переходные от тоталитарной коммунистической системы, которую наши общества уже "переросли", к системе реальной демократии, ротации власти, до которой они еще не "доросли". Но одновременно это – самостоятельные системы со своей логикой функционирования и развития и своим "жизненным циклом". Для перехода к новой системе внутри этих обществ должны вызреть силы, которым тесны рамки старой. И переход к новой системе – это неизбежно острый политический кризис.

Как и когда он настанет, зависит от множества не поддающихся учету факторов, в том числе и совершенно случайных. Я думаю, что громадную роль здесь может сыграть разное сочетание “жизненного цикла” системы и жизненного цикла воплощающего ее правителя.

В отличие от монархий с установленным порядком престолонаследия, демократий, где власть определяется альтернативными выборами и даже советского режима, где глава партии и государства определялся относительно упорядоченной процедурой выборов в Политбюро, для режимов типа казахстанского и российского труднейшей является проблема преемственности власти. Пока президент жив и здоров, такой проблемы нет, но по мере его неизбежного старения она выходит на первый план. Между тем формальный порядок – выборы президента – практически не имеет никакого отношения к реальному механизму определения преемника, а этот реальный механизм – не определен и не формален. Поэтому переход власти к следующему президенту – период резкого обострения внутриэлитарной борьбы и острого кризиса системы. Такой кризис постиг Россию в 1998–1999 гг. и такой кризис неизбежно приближается в Казахстане, и явное обострение здесь борьбы группировок элиты, несомненно, связано с ощущением, что “час X” – все ближе.

Для возможности перехода к новой, демократической системе, основанной на ротации власти, очень важно, когда, на каком этапе эволюции старой системы наступает этот кризис преемственности власти. Если в обществе уже сложились силы, стремящиеся к переходу к новой системе, кризис преемственности может стать концом системы в целом, переходом к новой системе. Напротив, если такие силы слишком слабы, передача власти укрепляет систему – новый правитель возбуждает новые надежды, освобождается от наиболее одиозных черт правления старого.

В России передача власти привела именно к этим следствиям. Она произошла до того, как в обществе сложились какие-то новые оппозиционные силы, которые действительно стремились бы к новой системе, и именно после передачи власти российский президентский режим окончательно стабилизировался.

В Казахстане новая оппозиция оформляется раньше, чем в России, ее масштабы – больше, а “час X”, который уже предвидится и принимается в расчет, может наступить еще не так скоро. Есть основания полагать, что этот неизбежный будущий кризис преемственности будет сопровождаться очень острой борьбой внутри “семьи”. В отличие от Ельцина, Назарбаеву, в клановом казахстанском обществе, нужно найти преемника внутри “семьи”. Но в ней есть несколько потенциальных претендентов, которые уже сейчас начинают подготовку к будущей схватке. И если эта схватка, “час X”, наступит тогда, когда в ней смогут принять реальное участие силы, стремящиеся к смене системы безальтернативного президентства в целом, исход ее может стать гибельным для системы, но благоприятным для перехода к следующему, демократическому этапу развития.

Кто быстрее и легче перейдет к демократии, Россия или Казахстан – не ясно и не предопределено. Но ясно, что чем скорее и с меньшими издержками это произойдет, тем лучше.